
ГАЛИНА
ДУБОВИЦКАЯ
ЭКЗАМЕН
ПРИГОРСКОЙ
БАБЫ-ЯГИ

Галина Дубовицкая

Экзамен пригорской бабы-яги

https://litres.ru/74704359
SelfPub; 2026

Аннотация

Дарья - потомственная баба-яга. Она живёт в обычном мире в небольшом городке Пригорске, но очень хочет сдать экзамен и поехать учиться в волшебный мир. Вот только кто-то похитил её избушку-на-курьих-ножках, а без неё экзамен обречён на провал. Если только Дарья не успеет отыскать таинственного похитителя.

В этом ей помогут её парень полукровка Матвей, бес Аристарх, домовой Филарет и другие магические жители Пригорска.

Содержание

Глава 1. Плохие новости 4
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Галина Дубовицкая
Экзамен пригорской бабы-яги

Глава 1. Плохие новости

Малюсенькие валеночки домовёнка сразу увязли в рыхлом снегу, рассыпанном по чищеной дорожке городского парка.

— И это у вас так убрано?! — горестно воскликнул он. — Да мне по лесу пробираться и то сподручнее было.

Среди деревьев снег лежал плотным нетронутым полотном, поблёскивая в скупых лучах декабрьского солнышка ледяной коркой наста. Лёгкий Мирошка не ломал этого панциря, укрывающего озябшую землю, а бежал, как по ровному полю, лишь иногда неловко поскальзываясь. Но стоило ему ступить на тропинку, как в серые валенки, надетые на босу ногу, насыпался холодный пушистый снег. Дворник совсем недавно размолотил тяжёлой лопатой слежавшиеся твёрдые буруны, мешающие прохожим, превратив их в рассыпчатый снежный порошок. Затем большую часть убрал, да только домовёнку много и не надо. При его росте в двена-

дцать сантиметров даже небольшие насыпи превращались в серьёзное препятствие.

Мирошка сделал ещё шаг, снова обжёгся о холод насыпавшейся в валенок свежей порции снега, ойкнул, всхлипнул и разрыдался. Идти ещё далеко, а сил совсем не осталось. Да и не идти-то надо, а бежать, нестись со всех ног — времени мало. В спину ткнулась летящая за ним, неуместно радостная, ярко-жёлтая термокружка, едва не повалив домовёнка на снег.

— Горе ты моё луковое, — ничуть не обидевшись, стирая с глаз слёзы, почти ласково произнёс Мирошка. — Одни мы с тобою остались.

Он погладил ребристый прорезиненный бок, высморкался, обтерев пальцы о снег, и решительно поковылял к середине дорожки, успокаивая своего странного компаньона:

— Ничего, сейчас попутку поймаем, быстрее дело пойдёт. Ты, главное, там держись, не замерзай!

Термокружка, напоминавшая высокий стакан с плотно закрученной крышкой, послушно летела следом, едва не скребя днищем по припорошённой снегом тротуарной плитке. Мирошка покрепче запахнул простенький тулупчик из меха натурального чебурашки, надеясь укрыться от порывов холодного ветра, потуже затянул поясок, чтобы освободить руки, и, подпрыгнув что было сил, вцепился в полу пролетающего мимо длинного пуховика. Гладкая ткань не удержалась в маленьких ладошках, и домовёнок с писком засколь-

зил вниз, но в последний момент ухитрился схватиться за длинный хлястик, пришитый, наверняка, просто для красоты, но так вовремя подвернувшийся под руку. Термокружка послушно направилась за ним.

Адреса Мирошка не знал, зато отлично помнил дорогу. Дарья несколько раз брала его с собой туда, в гости. Говорила, что пора привыкать к квартире, скоро ведь в свой дом переезжать придётся, а то вырос в лесу и ни города, ни жилья современного не знает. Как управляться будет да за хозяйством следить? Но мать не спешила отпускать своего первенца, всё кудахтала над ним, как наседка, не оставляла надолго. Да он сам виноват — сбежал ведь от неё по осени, вот и тряслась теперь свыше нужного. Кто же знал, что придётся так быстро взрослеть? Зато сейчас пригодился тот опыт самостоятельного блуждания по городу, и Мирошка был уверен, что сумеет найти нужную квартиру. Вот только ножки у него больно коротенькие, чтобы зимой по снегу бежать. Домовые ведь вообще на улицу особо не выходят, не предназначены они для этого, другой их удел. Но выбора не оставалось — нужно спасать не только себя, но и мелкого. За него Мирошка переживал вдвойне, ему без тепла пока никак.

С несколькими пересадками удалось выбраться из парка и даже переехать на другую сторону широкой автодороги. Приходилось всё время следить, чтобы термокружка не отстала, чтобы никто её не сбил ненароком. Обычные люди ведь не видят магию, ещё и сторонятся её подсознательно, но

в густой толпе, хлынувшей вместе с ними на узкий пешеходный переход, случиться могло что угодно. А потерять мелкого никак нельзя. Он ведь после этого Дарье в глаза смотреть не сможет, если последнего не убережёт.

Пальцы уже немели от постоянного напряжения, голова в толпе и вовсе пошла кругом. Со всех сторон мелькали разноцветные штанины и полы длинной одежды, противно пищал светофор, отъехавшие автомобили оставили после себя удушающий смрад выхлопных газов. Мирошка отчаянно крутил головой, выискивая ярко-жёлтое пятно, то и дело скрывающееся за чьими-нибудь ногами. По другую сторону от дороги подвозившему пешеходу стало с ними не по пути, и домовёнок спрыгнул, дождался термокружку на заснеженном газоне и, будто в этом был какой-то смысл, прошептал:

— Скоро доберёмся, немного осталось.

Последняя попутка удачно довезла их прямо до нужного адреса. А вот там пришлось поморозиться, ожидая, когда кто-нибудь откроет тяжёлую, запертую подъездную дверь. Снег в валенках от теплоты ног давно растаял, впитался в войлок, который тут же промёрз. И стоять так на бетонном крыльце казалось просто невыносимо. Хотелось плакать, отчаянно кричать, звать на помощь. Вот только кто услышит домового? Полевики спят давно на своих газонах — зимняя спячка у них. Другие домовые? Так это редкость большая, далеко не в каждой квартире они живут. Да и как орать надо, чтобы услышали за толстыми пластиковыми окнами город-

ских домов? А надеяться на то, что мимо пойдёт полукровка, способный увидеть и услышать магическое существо, уж и вовсе не стоило. Разве что сама Дарья? Хотя она ведь здесь даже не живёт, так что вряд ли. Только мама её, домой к которой Мирошка и бежал. Но больше шансов, что просто случайный прохожий откроет им дверь и спасёт от этой ужасной, проникающей ледяными иглами сквозь тулупчик, зимы. Так и случилось.

Молодая мамочка с огромной неповоротливой коляской подошла к подъезду, приложила магнитный ключ и открыла дверь. И пока она неловко закатывала в проём транспорт своего малыша, Мирошка с термокружкой заскочили внутрь. Тепло подъезда сразу окутало, навалилось, разморило, и домовёнок чуть не сдался, осев у стены на пол. Слишком велик был соблазн просто остаться и ждать: рано или поздно кто-нибудь его найдёт, здесь ведь не так холодно, и Мирошка уже не замёрзнет, а мелкий… Мелкий вряд ли сможет ждать долго. Ему недостаточно, чтобы перестало быть холодно. Ему нужно настоящее тепло, а Мирошка слишком маленький, чтобы согреть как следует.

Пришлось встать и, превозмогая себя, скакать по высоким ступенькам, поднимаясь этаж за этажом в поисках нужной квартиры. Сил удерживать в воздухе термокружку уже совсем не осталось, и Мирошка спрятал её за картонной коробкой, стоящей у мусоропровода. Уходить было страшно — вдруг кто решит выкинуть? Пришлось торопиться. И у

коричневой двери, похожей на гигантскую плитку шоколада, именно так Мирошка её и запомнил — по выдавленному на металле рисунку крупных квадратов, делающих дверь похожей на любимое лакомство, — он с облегчением остановился. Осталось попасть внутрь, но о том, чтобы дотянуться до звонка, на который обычно жала Дарья и даже один раз разрешила надавить Мирошке, не могло быть и речи.

***

Носик чайника курился паром, по тарелке рассыпались кедровые орешки в белой и шоколадной глазури, скользя по фарфору своими глянцевыми боками, когда пальцы пытались их поймать. Но Дарья справилась с этой задачей и отправила вкусняшку в рот. Она любила обедать у мамы или просто забежать на чай, если оказывалась неподалёку, хотя в их небольшом Пригорске почти всё неподалёку. Только вот времени и на чай не каждый день находилось. Декабрь, то треща суровыми морозами, то пытаясь пригревать зимним солнышком, вёл не только к самому любимому празднику — Новому году, но и к экзаменам. И если насчёт сессии в университете Дарья не беспокоилась, то другие…

— Да не переживай так, — успокаивала её мама. — Ну с чего бы тебе не сдать? Ты ведь всему научилась, на практике всё сделала. Ещё и момент такой удачный получился для экзамена — будет что показать, чем похвастаться.

— Вот и я ей так говорю, — поддакнул Матвей, потягивая горячий чай из тонкостенной кружки. — Если она не сдаст,

то кто вообще с этим справится? Ну или можно посмотреть с другой стороны: раз все сдают, значит, и Дарья сдаст.

— А с чего ты взял, что все сдают? — она упёрлась взглядом в его зелёные глаза, нервно теребя кончик длинной пшеничной косы, в которую сегодня заплела волосы.

— Ему-то взять неоткуда, а я вот и не припомню такого случая, чтобы полностью экзамен провалили. Сестры твои все с первого раза сдали его.

— Так, они-то не полукровки! — в сердцах крикнула Дарья.

Над столом повисла неловкая пауза, нарушаемая только мерным тиканьем часов. Циферблат, встроенный реалистичную фигурку ушастой совы, стоящую на подоконнике, показывал три часа дня. Минутная стрелка как раз завершила полный круг, и птица тихонько ухнула. Дарья вздрогнула, её с детства немного пугали эти часы, вот сейчас снова будто уловили степень её опасений и попытались вставить своё слово.

Чувство тревоги и без того сопровождающее её в последние дни, внезапно выросло взяв новую, более высокую ноту. То ли это сова со своим уханьем, то всё дело в том, что Дарья, наконец-то, решилась озвучить беспокоивший её факт.

В этом не было ничего нового: и она, и Матвей с самого детства знали, что они полукровки — дети настоящих магов и самых обычных людей. А магии в полукровке всегда меньше, он ведь всего лишь половинка, да и та неполноценная.

Дарье показалось, что она слышит стук собственного сердца, напоминающий о простой человеческой половине. Легко маме говорить, в ней магия видна издалека. Уж сколько маме лет — Дарья и сама не знала, сколько точно, но её старшие дочери давно стали взрослыми — а выглядит почти как студентка: молодое, красивое лицо с правильными чертами, чистая без намёка на морщинки кожа, пухлые губы, длинная пшеничная коса почти до пола. Все говорили, что они удивительно похожи, вот только Дарье было девятнадцать, а маме точно больше ста лет.

— Ну ты чего?! — взмахнув широкими рукавами расшитого богатым узором платья, обняла её мама.

— Слушай, это вообще нечестно! — одновременно с ней выпалил Матвей и потёр небольшой шрам на скуле, он так всегда делал, когда злился. — Или ты забыла, что обычный полукровка без особых магических способностей здесь только я? А кому-то достался дар от матери. Угадай кому?

Сердце опять постучало. Нервенно и рвано. Словно теряя силы. Дарье совсем не хотелось с ними спорить. Они не понимали её опасений, верили, что всё пройдёт легко и просто. Даже слушать не хотели о том, что у неё может не получиться. А вот она совсем не была в этом уверена. Сердце стукнуло один раз, потом взяло паузу и снова стукнуло. Отчаянно и почему-то совсем не из груди.

— Ты просто… — вновь начала мама.

— Тихо! — шикнула на неё Дарья.

— Но я только…

— Тихо! Послушайте.

Тишину с привычным тиканьем часов прервал едва слышимый стук. Это же как надо было зациклиться на бедненькой, несчастненькой себе, чтобы решить, что так колотится сердце?

— В дверь, что ли, стучат? — удивился Матвей. — Почему так тихо?

Проём в кухню располагался сразу возле входной двери, и отсюда обычно было хорошо слышно, если стучали. Мама нахмурила брови, закусила губу, переняв от дочери тревожное настроение, и отправилась открывать. Дарья не смогла усидеть за столом и пошла следом. Квадратный экран видеоглазка показывал абсолютно пустую лестничную площадку.

— Мама… — голос Дарьи невольно дрогнул.

— Там есть кто-то живой, я чувствую.

Спорить с мамой в этом вопросе не имело смысла — настоящая баба-яга всегда чувствует живых существ, а значит, там точно кто-то есть. Вот только почему его не видно? Дверь приоткрыли совсем немного, так чтобы можно было легко захлопнуть. Но даже этой тонкой щели хватило, чтобы в неё со стоном ввалился обессилевший домовёнок.

— Мирошка! — кинулась к нему Дарья и подхватила на руки. — Ты откуда?!

— Там… — прошептал он слабым голосом и указал за дверь. — Надо спасти…

На шум из кухни подоспел Матвей с деревянной толкушкой, похожей на миниатюрную дубинку, в руке. Он приоткрыл дверь пошире и протиснулся на площадку, откуда спустя минуту донёсся его голос:

— Здесь никого нет.

— У мусоропровода… между четвёртым и пятым этажами… жёлтая термокружка… — домовёнок говорил отрывисто, каждый раз заметно собираясь с силами.

Матвей убежал по лестнице и вскоре вернулся с названным предметом в руках. Все озадаченно смотрели, не зная, то ли засыпать малыша вопросами, то ли оказывать ему первую медицинскую помощь. Матвей поднёс термокружку к уху и аккуратно потряс её.

— Осторожнее, там яйцо! — только и смог выдавить Мирошка, после чего потерял сознание.

***

Кухня быстро превратилась в импровизированный лазарет. Чайник, чашки и тарелка со сладостями переместились на гарнитур, а стол освободили для пострадавших.

— Тётя Ягаслава, может лучше вы ? — спросил Матвей и протянул находку маме.

Она раскрутила термокружку и аккуратно извлекла оттуда замотанное в тёплую шерстяную варежку яйцо. Размером с крупное куриное категории С0 оно мерцало холодным голубым светом. Поднеся находку к груди, мама закрыла глаза и тихо, неразборчиво забормотала.

— Живой, — с облегчением выдохнула она. — Успели, но нужно срочно соорудить инкубатор. А что с Мирошкой?

Дарья в это время с трудом стянула с домовёнка заледенелые валенки и тулупчик. Совсем крохотные пальчики на руках и ногах казались белыми, будто перемазанные в сметане. Сморщенное, как у старичка, лицо, так не вяжущееся с детским возрастом, начало оптимистично наливаться послеморозным румянцем. Дарья накрыла тело ладонью и тоже зашептала.

— Живой. Обморозился немного и силу всю волшебную растратил. Маленький он ещё, запас совсем никудышный, да и использовать экономно не умеет, — констатировала она. — Матвей, дай шарф из прихожей, пожалуйста. Тот, папин, шерстяной, колючий.

Дарья завернула малыша в шарф и устроила у себя на сгибе локтя, накрыв ладонью, от которой пошло едва заметное тепло.

Мама же, сунув яйцо Матвею в руки, начала собирать инкубатор из подручных средств. В ход пошли картонная коробка из-под обуви, кухонное полотенце — из него и уже валяющейся на столе варежки соорудили подобие гнезда, и старая настольная лампа на гибкой ножке с абсолютно не экономичной, зато отлично греющей лампочкой накаливания.

— Пока и так сойдёт, — сосредоточенно бормотала мама, кутая голубое яйцо в оранжевое полотенце.

Без дела теперь стоял только Матвей, наблюдая за спорой работой.

— Вот тебе и семейный подряд, — удовлетворённо подытожил он, взлахватив свои тёмные волосы. — Вы так похожи, особенно когда колдуете. Аж голова кружится — кажется, это просто в глазах двоится, а не два разных человека. Но смотрю и понимаю: если рядом две бабы-яги, то за здоровье не страшно. Вы, наверно, и с того света вытащить можете. А ты, Дарья, ещё и за экзамен переживаешь. Примут тебя официально в бабки-ёжки, даже не сомневайся. И даже не за красивые зелёные глаза.

— Конечно, не за глаза, — наконец немного расслабившись, рассмеялась Дарья. — Они у всех, кто магией владеет, зелёные.

***

Инкубатор так и оставили на столе, чтобы следить за яйцом. У Дарьи сердце было не на месте. Не зря она сразу спутала слабые удары в железную дверь со стуком в своей груди, чуяла, что стряслось недоброе. Чуяла, хоть и не понимала, где именно.

Одной рукой она баюкала, прижав к груди, Мирошку — тот всё ещё не пришёл в себя, лишь тяжело сопел. А другой уже в пятый раз набирала на телефоне номер Савелия, леший упорно не брал трубку. Матвей оделся и побежал в парк, проверить, что там стряслось.

Дарья увидела в зеркальной дверце микроволновки своё

испуганное лицо: бледная, светлые волосы почти сливались с кожей, зато зелёные глаза горели волшебным огнём. Мама говорила, это магия в них плещется, когда баба-яга делом своим занята. Вот Дарья и занята. Она и не Дарья сейчас вовсе, это имя простое — для людей, для обычного мира. Но когда она приступала к колдовству, когда лечила зверей и магических существ, то сама ощущала просыпающуюся силу, переданную ей матерью. Чувствовала себя настоящей Дарь-Ягой.

В такие моменты, когда волшебство бурлило в её крови — да и не просто волшебство, а наследная сила, передаваемая в роду от матери к дочери — никто больше не мог стать бабой-ягой, только дочь бабы-яги, — она и сама верила в себя. Но нельзя ворожить постоянно, у неё тоже силы ещё не богатые, слишком молодая она в свои девятнадцать лет. Вот и наваливались сомнения, опутывая липкой паутиной страха. Что, если не хватит дара? Что если испортит всё её разбавленная кровь?

Дарья очень любила папу, тем более немногим полукровкам довелось расти со своими отцами, но что если эта немагическая наследственность, не даст ей пройти экзамен и официально получить статус бабы-яги? Хотя мама и Матвей правы, она научилась и выполнила требования: создала свою первую избушку-на-курьих-ножках, вырастила её, та снесла сначала одно яйцо, из которого вылупился Мирошка, а потом ещё три.

Только вот здесь сердце и зашлось опять в тревожном трепетании — в инкубаторе лежало одно из тех яиц. Спутать невозможно, у кур таких мерцающе-голубых не бывает. Да и не побежал бы Мирошка с обычным яйцом по снегу. У них-то в городском парке на полянке, защищённой магией лешего, тепло. Там трава ещё зелёная. Савелий разделил поляну на две части: в одной оставил лето, чтобы Алёнке, избушке их молоденькой, было легче высиживать яйца, да Мирошке в холоде не томиться; зато в другой половине, как и полагается в декабре, кружил снег, можно было играть в снежки, кататься с горки. Мирошке затем и подарили валеночки да тулуп. А сегодня, получается, те спасли и его, и яйцо. Страшно представить, как бы малыш добрался до них в лёгких штанишках и футболочке, когда за окном минус десять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.